

ЧАК ПАЛАНИК

ЧАК ПАЛАНИК

КТО ВСЕ
РАССКАЖЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
П14

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Chuck Palahniuk

Tell-All

Перевод с английского *Ю. Антоновой*

Компьютерный дизайн *Е. Жбанова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives
и Andrew Nurnberg.

Книга содержит нецензурную брань

Паланик, Чак.

П14 Кто все расскажет : [роман] / Чак Паланик ; [пер. с англ. Ю. Антоновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 288 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-089808-4

Однинадцатый роман Чака Паланика.

Однинадцатый «бестселлер для интеллектуалов», в котором он изощренно и злово иронизирует над темой «Пигмалиона и Галатеи», а заодно — и над реалиями Голливуда.

«Вечная неудачница» и вечный Пигмалион — престарелая Хейзи. Куган, некрасивая и немыслимо одаренная актриса, чьим истинным призванием стало делать суперзвезд из бездарных старлеток. Ее любимая подопечная — ослепительная красавица и столь же ослепительная дура Кэтрин Кентон, которую вечно награждают за ничем не примечательные роли, вечно обольщают и используют, вышучивают — и обожают. И наконец — хваткий, циничный альфонс Уэбстер, у которого на Кэтрин Кентон — весьма далеко идущие планы...

Из такого треугольника может выйти практически все, что угодно, — а выходит кое-что большее. Много большее.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-089808-4

© Chuck Palahniuk, 2010

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается ТК

Парень встречает девушку.
Добивается девушки.
Убивает девушку?

АКТ I, СЦЕНА ПЕРВАЯ

Первая сцена первого акта начинается так: Ночь. Лилиан Хеллман, спотыкаясь, продирается сквозь колючие кусты какого-нибудь немецкого *schwarzwald*, причём на каждой груди у неё висит по еврейскому младенцу, а на спине — ещё орава детишек. Лили с трудом прокладывает себе путь через ежевичные заросли. Сучки цепляют расшитую золотом ночную рубашку от «Кристобаля Баленсиаги», чёрный бархат мгновенно бесчисленные пальчики нежных херувимчиков, которых она хочет спасти от раскалённых печей нацистского лагеря смерти. К мускулистым бёдрам Лилиан привязано ещё несколько невинных младенцев — беспомощных малышей еврейского, цыганского и гомосексуального проис-

хождения. Листва разлетается в клочья от выстрелов нацистских гестаповцев. Пахнет порохом и еловыми иглами, но сильнее всего — «Шанель № 5». Ручные гранаты и пули неустанно свистят над безупречно завитым шиньоном от «Хэтти Карнеги», так близко, что серьги-подвески Картье взрываются радужной россыпью бесценных бриллиантов. Изумрудные и рубиновые осколки бросают отсветы на безукоризненные бледные щёки мисс Хеллман...

Наплывом — следующий кадр.

Интерьер великолепного особняка на Саттон-плейс, принадлежащего, например, Билли Бёрк и украшенного самим Билли Хейнсом. Торжественно разодетые гости сидят за длинным столом в озарённой свечами комнате. Ливрейные лакеи выстроились вдоль обшитых деревом стен. Место во главе огромного стола занимает сама мисс Хеллман, она как раз описывает отчаянную сцену побега, свидетелями которой мы только что стали.

Медленная panoramicная съёмка: тиснёные таблички с именами гостей напоминают страницу из списка «Кто есть кто». За столом собралась добрая половина исторических личностей

двадцатого века: румынский принц Николай, Пабло Пикассо, госсекретарь Корделл Халл и режиссёр, композитор, продюсер Йозеф фон Штернберг. Цепочка из знаменитостей протянулась от Самуэля Беккета до Джина Отри и Марджори Мэйн, а от них — пожалуй, за край горизонта.

Лилиан делает паузу, чтобы как следует затянуться сигаретой. Выдохнув струйку дыма над головами Адольфа Цукора и Полы Негри, она произносит:

— В эту душераздирающую минуту я так жалела, что не ответила Франклину Делано Рузвельту: «Нет уж, спасибо. — И, стряхнув сигаретный пепел на тарелочку с хлебом, покачав головой, прибавляет: — Секретные миссии — не для меня».

Пока лакеи подливают гостям вина и убирают десертные блюдца, руки Лилиан плавно порхают в воздухе, сигарета вычерчивает замысловатые дымные каракули, ногти впиваются в незримые виноградные лозы, ища опоры на склонах отвесных скал, высокие каблуки месят грязь на пути к свободе, а силы всё не убывают под бременем беспомощных крошек — детей евреев и гомосексуалистов. Все

взоры за длинным столом прикованы к Лили. Под расстеленными на коленях камчатными салфетками на каждой руке скрещены пальцы. Из каждого рта к небесам возносится молчаливая молитва: хоть бы мисс Хеллман подавилась тушёным цыплёнком по-демидовски, рухнула на ковёр столовой и с корчами задохнулась...

Ладно, *почти* все взоры. Исключение — пара фиалковых глаз... и пара карих очей... и конечно, мой собственный настороженный взгляд.

Возможность умереть раньше Лилиан Хеллман стала навязчивой фобией целого поколения. Скончаться — и неизбежно пойти на корм ненасытной Лили. Так, чтобы вся твоя жизнь и доброе имя тут же скожились до размеров голема, франкенштейновского чудовища, которого оживит и заставить плясать под свою дудку мисс Хеллман.

С первых же слов её речи напоминают фоновый шум к сериалу «Тарзан» — невразумительный щебет тропических птиц, вопли обезьян-ревунов и Джонни Вайсмюллера. *Гав, ряв, скрип...* Эмералд Кунард. *Гав, уууу, скрип...* Сесил Битон.

Возможно, болтовня Лили представляет собой редкую разновидность синдрома Туретта*, при котором человек начинает сорить именами. Или бессвязный лепет осиротевшего рекламного агента, вскормленного стаей волков и учившегося читать по колонкам Уолтера Уинчелла**.

Во всяком случае, это маниакальное бормотание — настоящая патология.

Ко-ко-ко, хрю, гав... Джин Негулеско.

Лили с лёгкостью переплавляет чистейшее золото чужих непридуманных жизней на собственные звонкие медяки.

Только чур, уговор: это *НЕ Я* вам сказала.

Сидя в опасной близости от летающих в воздухе героических локтей, моя мисс Кэти

* Синдром Туретта — расстройство центральной нервной системы, при котором наряду с двигательными тиками проявляются звуковые симптомы: произнесение отдельных звуков и нечленораздельных слов. В некоторых случаях может отмечаться навязчивое повторение слов, слогов или звуков. В половине случаев возможны вокальные тики с неприличными ругательными словами, а также неприличные жесты.

** Журналист, радиоведущий, придумавший в своё время отдел светской хроники (буквально — колонку сплетен).

пристально смотрит сквозь клубы сигаретного дыма. Кэтрин Кентон, актриса с неподражаемой статью. Её фиалковые глаза много лет приучались не вступать в прямой контакт ни с чем, кроме объектива камеры. Никогда не встречать напрямую взгляд незнакомца, а вместо этого сосредоточиваться на губах или мочке уха. И вот, несмотря на годы тренировок, моя мисс Кэти, подрагивая ресницами, плялится через весь стол. Длинные пальцы прославленной белой руки поигрывают золотисто-каштановой прядью её парика. Другая, увенчанная перстнями рука теребит шесть жемчужных ниток, прикрывающих дряблую кожу на шее.

В следующее мгновение, в то время как лакеи расставляют чаши для омовения пальцев, Лилиан начинает вертеться в кресле, вскинув на плечо невидимую снайперскую винтовку, и стреляет, стреляет до последнего патрона. Она до сих пор обвешана детьми евреев и коммунистов. Сиротки болтаются на ней тяжёлым грузом. Когда винтовка раскаляется добела, мисс Хеллман издаёт гортанный боевой клич и бросает дымящееся оружие в штурмовиков.

Prrr, гав, скрип... Петер Лорре. *Хрю, гав, скрип...* Аверелл Гарриман.

Что может быть хуже смерти? Только вечность на поводке у Лили Хеллман, в виде ручного зомби, которого оживляют на торжественных ужинах или во время очередного радиоинтервью. Между тем рассказчица успевает взвалить на себя ещё одну партию малышей, невидимых цыганят, и подбросить их так высоко, чуть не к самой люстре, будто надумала катапультировать живой груз за покрытую снегом вершину Маттерхорна, на безопасную землю Швейцарии.

Хrrr, ууу, скрип... Сара Бернар.

Теперь уже Лилиан Хеллман обеими руками сжимает невидимую шею Адольфа Гитлера: только что она, притворившись немецкой актрисой и танцовщицей Лени Рифеншталь, с купленными на чёрном рынке блоками сигарет «Лаки Страйк» и «Парламент» в руках, пробралась в подземный берлинский бункер — и теперь душит спящего диктатора прямо в постели.

Иааа, гав, и-го-го... Бэзил Рэтбон.

Бросив воображаемого перепуганного до смерти Гитлера на середину обеденного сто-

ла, Лили клацает зубами, а её наманикюренные ногти тянутся выцарапать бессовестные нацистские глаза. Не разжимая стиснутых вокруг незримой шеи ладоней, она принимается колотить невидимой головой фюрера по столешнице, так что на скатерти подпрыгивают бокалы и позякивает серебро.

Скрип, мяу, чирик... Уоллис Симпсон.

Ууу, иа, чиев... Диана Вриланд.

За миг до убийства Гитлера Джордж Цукор поднимает глаза. Охлаждённая вода, благоухающая свежепорезанными лимонами, ещё капает с его пальцев в чашу. И Джордж произносит:

— Прошу тебя, Лилиан.

Бедняга Джордж говорит:

— Кончай уже, а?

Мисс Кэти отвечает взглядом один молодой человек, усаженный дальше солонок, позади многочисленных профессиональных нахлебников, наркоторговцев, месмеристов, ссыльных белогвардейцев и бедного Лоренца Харта, почти что за горизонтом, у самого края обеденного стола. Его карие очи напоминают цветом бокал рутбира, просвещенный насквозь ярким солнцем, какое бывает Четвёр-

того июля. Прямо-таки образчик чистопородного американца. Такое классическое, симметрично очерченное лицо, растянувшееся в довольной ухмылке, так и грезиши увидеть однажды у себя между бёдрами.

Рискованное занятие — любоваться звёздами у горизонта. Эльза Максвелл* сказала бы так: «Никогда не поймёшь, собирается ли эта блестящая точка взойти или сразу же закатиться».

Лилиан вдыхает наступившую тишину через кончик зажжённой сигареты, стряхивает пепел на тарелку для хлеба и произносит:

— Кстати, вы слышали? В это трудно поверить, — заявляет она, — однако Элеонора Рузвельт переселовала все волосы на моём лобке...

Среди сигаретного дыма, лжи и Второй мировой войны ослепительный карий взгляд настоящего американца уставился через весь стол, поверх социальной лестницы, прямо в глубь знаменитых, прикрытых дрожащими ресницами фиалковых глаз моей работодательницы.

* Писательница и журналистка, ведущая отдела светской хроники.